

Иван Сергеевич Тургенев. Часы

Собрание сочинений в десяти томах.
Гослитиздат, Москва, 1961
OCR Конник М.В.

ЧАСЫ

Рассказ старика 1850 г.
Расскажу вам мою историю с часами...
Курьезная история!

Дело происходило в самом начале нынешнего столетия, в 1801 году. Мне только что пошел шестнадцатый год. Жил я в Рязани, в деревянном домике, недалеко от берега Оки – вместе с отцом, теткой и двоюродным братом. Мать свою я не помню: она скончалась года три после замужества; кроме меня, у отца моего детей не было. Звали его Порфирием Петровичем. Человек он был смиренный, собою неказистый, болезненный; занимался хождением по делам тяжбым-и иным. В прежние времена подобных ему людей обзывали подъячими, крючками, крапивным семенем; сам он величал себя стряпчим. Нашим домашним хозяйством заведовала его сестра, а моя тетка – старая пятидесятилетняя дева; моему отцу тоже минул четвертый десяток. Большая она была богомолка – прямо сказать: ханжа, тараторка, всюду нос свой совала; да и сердце у ней было не то, что у отца – недоброе. Жили мы – не бедно, а в обрез. Был у моего отца еще брат, Егор по имени; да того за какие-то якобы "возмутительные поступки и яacobинский образ мыслей" (так именно стояло в указе) сослали в Сибирь еще в 1797 году.

Егоров сын, Давыд, мой двоюродный брат, остался у моего отца на руках и проживал с нами. Он был старше меня одним только годом; но я преклонялся перед ним и повиновался ему, как будто он был совсем большой. Малый он был не глупый, с характером, из себя плечистый, плотный, лицо четырехугольное, весь в веснушках, волосы рыжие, глаза

серые, небольшие, губы широкие, нос короткий, пальцы тоже короткие-крепьш, что называется-и сила не по летам! Тетка терпеть его не могла; а отец-так даже боялся его... или, может быть, он перед ним себя виноватым чувствовал. Ходила молва, что не проболтайся мой отец, не выдай своего брата-Давыдова отца не сослали бы в Сибирь! Учились мы оба в гимназии, в одном классе, и оба порядочно; я даже несколько получше Давыда... память у меня была острей; но мальчики – дело известное! – этим превосходством не дорожат и не гордятся, и Давыд все-таки оставался моим вожаком.

II

Зовут меня-вы знаете-Алексеем. Я родился 7, а именинник я 17 марта. Мне, по старозаветному обычаю, дали имя одного из тех святых, праздник которых приходится на десятый день после рождения. Крестным отцом моим был некто Анастасий Анастасьевич Пучков, или, собственно: Настасей Настасеич; иначе никто его не величал. Сутяга был он страшный, клязунник, взяточник-дурной человек совсем; его из губернаторской канцелярии выгнали, и под судом он находился не раз; отцу он бывал нужен... Они вместе "промышляли". Из себя он был пухлый да круглый; а лицо как у лисицы, нос шилом; глаза карие, светлые, тоже как у лисицы. И все он ими двигал, этими глазами, направо да налево, и носом тоже водил – словно воздух нюхал. Башмаки носил без каблуков и пудрился ежедневно, что в провинции тогда считалось большою редкостью. Он уверял, что без пудры ему быть нельзя, так как ему приходится знаться с генералами и с генеральшами.

И вот наступил мой именинный день! Приходит Настасей Настасеич к нам в дом и говорит:

– Ничем-то я доселева, крестничек, тебя не дарил; зато посмотри, каку штуку я тебе принес сегодня!

И достает он тут из кармана серебряные часы луковицей, с написанным на циферблате розаном и с бронзовой цепочкой! Я так и сомлел от восторга, – а тетка, Пелагея Петровна, как закричит во все горло:

– Целуй руку, целуй руки, паршивый! Я стал целовать у крестного отца руку, а тетка, знай, причитывает:

– Ах, батюшка, Настасей Настасеич, зачем вы его так балуете! Где ему с часами справиться? Уронит он их, наверное, разобьет или ломает!

Вошел отец, посмотрел на часы, поблагодарил Наста-сеича-небрежно так, да и позвал его к себе в кабинет. И слышу я, говорит отец, словно про себя:

– Коли ты, брат, этим думаешь отделаться... Но я уже не мог устоять на месте, надел на себя часы и бросился стремглав показывать свой подарок Давыду.

III

Давыд взял часы, раскрыл и внимательно рассмотрел их. У него большие были способности к механике; он любил возиться с железом, медью, со всякими металлами; он обзавелся разными инструментами-и поправить или даже заново сделать винт, ключ и т. п. – ему ничего не стоило.

Давыд повертел часы в руках и, пробурчав сквозь зубы (он вообще был